

форме также восходящей к античности. Речь идет об идее возможности предвидения будущего на основе понимания явлений настоящего. Такого рода прогностика существовала в рамках идей христианского провиденциализма. По мнению византийцев, социальные ситуации, определяемые реализацией или нереализацией добродетелей со стороны отдельных людей, повторялись, и это создавало возможности ориентации в обществе³².

Византийская прогностика, хотя и являлась топосом, античным клише, требует специального рассмотрения. Ее наличие в рамках провиденциализма, восточного мистического христианства заставляет нас обратиться к идее протестантского теолога Р. Бультмана, который рассматривает подобное явление как “своеволие”³³, как философскую интерпретацию христианского бытия без Христа. По мнению Р. Бультмана, подобные топосы говорят о том, что человек рассматривается вне самоотдачи богу, вне покорности³⁴. Имеет место его обмирщение. Можно ли считать, что и византийская мистическая картина мира была пронизана философствованием, несущим в себе обмирщение, которое на Западе возникло лишь в эпоху Просвещения?

Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. В рамках византийской картины мира речь идет не о понимании прошлого и настоящего, что, по мнению византийцев, недоступно человеку, а об угадывании, о поиске, о попытке приблизиться путем добродетельных деяний к божественному плану. Соответственно в данном топосе используется глагол *отоῦαῖζομαι*, означающий “угадывать, догадываться, предполагать”. Социальной философии в рамках византийского богословия отводилась, таким образом, функция регулятора социального поведения. А рассказу о прошлом, т. е. истории, отводилась дидактическая роль.

В то же время некоторые ситуации, регламентируемые случаем (тихи) (тоже античный топос), по мнению византийцев, — нельзя предвидеть. Их роль в жизни человека, как считают византийцы, можно сравнить с результатом бросания игральной кости³⁵.

Этот образ (метафора, восходящая к античности, но и не чуждая христианству: ведь апостол Матфей был избран по жребию³⁶) показывает, что византийцы интуитивно рассматривали выбор человеком линии поведения как вероятностное, статистическое событие в цепи стохастического процесса. Ведь результат бросания игральной кости — это классический пример равномерного распределения вероятностей в современной статистике.

Таковы существенные компоненты и проявления византизма “оправдание жизни”. В этой статье я акцентировала его социально-философские аспекты, оставив в стороне те, которые относятся непосредственно к мистицизму, христологии и эклезииологии, поскольку они подробно изучены такими учеными как В.Н. Лосский, архим. Киприан, Б. Кривошеин, И. Мейендорф, Х.-Г. Бек, Г. Подскальский³⁷. Идея данного византизма восходит к Евангелию от Иоанна:

³² Там же. С. 137.

³³ Бультман Р. Новый Завет и мифология: Проблема демифологизации новозаветного провозвестия // ВФ. 1992. № 11. С. 104.

³⁴ Там же. С. 103.

³⁵ Хвостова К.В. Указ. соч. С. 137.

³⁶ Деяния апостолов. 1. 15—26.

³⁷ Кривошеин В. Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы // *Seminarium Kondakovianum. Prague, 1936. VIII.*; Киприан (архим.). Антропология св. Григория Паламы. Париж, 1956; Лосский В.Н. Очерк..., *Meyendorff J. Op. cit.*; *Beck H.-G. Humanismus und Palamismus...*; *Podskalsky G. Theologie und Philosophie in Byzanz. München, 1977.*